

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Социально-экономическая политика

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ ДЕПРЕССИВНЫХ РАЙОНОВ

Владимир Николаевич ДЬЯЧЕНКО ^{a,*},
Виктория Владимировна ЛАЗАРЕВА ^b

^a кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН,
Хабаровск, Российская Федерация
dvn48@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4661-0328>
SPIN-код: 7064-7928

^b кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и государственного управления,
Амурский государственный университет (АмГУ),
Благовещенск, Российская Федерация
v_lazareva12@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9181-9393>
SPIN-код: 2971-3272

* Ответственный автор

История статьи:

Рег. № 526/2021
Получена 23.09.2021
Получена в
доработанном виде
27.11.2021
Одобрена 20.02.2022
Доступна онлайн
14.04.2022

УДК 332.14

JEL: R23, R58

Ключевые слова:

предпринимательская
активность, аграрный
сектор, депрессивные
территории,
государственная
поддержка, занятость,
сельское хозяйство

Аннотация

Предмет. Перспективы производства сельскохозяйственной продукции в России.

Цели. Оценка развития предпринимательской и хозяйственной активности в аграрном секторе депрессивных районов Дальнего Востока. Определение возможных мер, направленных на решение актуальных экономических проблем.

Методология. Использованы методы сравнительного анализа, типологизации.

Результаты. Установлено, что депрессивные аграрные районы постепенно адаптируются к изменившимся экономическим условиям за счет развития предпринимательской и хозяйственной деятельности сельского населения и экспансии сельскохозяйственных организаций из других районов региона.

Выводы. Необходимо усиление государственного стимулирования малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе в целях увеличения производства сельскохозяйственной продукции, что позволит удовлетворить потребительский спрос населения Дальнего Востока.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2021

Для цитирования: Дьяченко В.Н., Лазарева В.В. Предпринимательская и хозяйственная активность населения в аграрном секторе экономики депрессивных районов // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – Т. 20, № 4. – С. 639 – 658.
<https://doi.org/10.24891/re.20.4.639>

Введение

В социально-экономическом развитии Дальнего Востока в последние десятилетия происходят глобальные позитивные изменения, являющиеся следствием реализации проводимой по отношению к региону государственной политики. Вместе с тем, как показал анализ складывающейся в регионе ситуации, проведенный П.А. Минакиром, достичь поставленных целей обеспечения устойчивой тенденции опережающего роста экономики и закрепления населения в регионе в соответствующих количественных параметрах пока не удается [1].

Такая оценка в полной мере относится к селу и агропромышленному комплексу региона, в развитии которых проявляются тенденции, характерные для страны в целом. Справедливым является вывод, сделанный И.Г. Ушачевым и соавторами, о том, что пока удастся достичь значимых успехов только в преобразовании отдельных подкомплексов сельского хозяйства [2].

При этом П.А. Минакир и С.Н. Найденов отмечают, что в регионе сохраняется острота проблемы продовольственной независимости, миграционного оттока населения [3]. Во многом это является следствием пространственной неравномерности в развитии региона. Многие сельские административно-территориальные образования находятся в депрессивном состоянии: сохраняются низкий уровень развития сельского хозяйства и неблагоприятные условия проживания, следствием чего являются демографическая деградация, дефицит мест приложения труда, низкие доходы и устойчивое состояние бедности значительной части населения.

Наличие ограничений сдерживает развитие сельского хозяйства и формирование благоприятных условий проживания. Непрекращающийся значительный по масштабам отток активной трудоспособной части населения, по мнению А.В. Лапина и В.Я. Фокина, приводит к деградации человеческого капитала, к снижению потенциала саморазвития, к потере возможности выхода из кризисного состояния без внешнего содействия [4, 5].

Оценивая возможности выхода сельских районов из состояния депрессии, многие исследователи приходят к выводу, что формирование позитивных тенденций возможно исключительно при условии применения специальных антикризисных мер, к числу которых наиболее часто относят, помимо использования специальных стимулирующих программ, диверсификацию сельской экономики, развитие видов деятельности, составляющих

альтернативу сельскому хозяйству¹. В числе таких мер П. Броудер называет развитие туризма [6].

Авторы М.Ю. Шерешева, М.С. Оборин, О.В. Шимук в качестве направления диверсификации сельской экономики в регионах России рассматривают развитие информационных технологий, промышленности [7].

Вместе с тем не лишены основания и более оптимистичные оценки перспектив выхода рассматриваемых регионов из кризисного состояния за счет развития предпринимательской и хозяйственной активности в сельском хозяйстве. По мнению авторов данного исследования, важную роль в этом отношении играет сохранение устойчивого спроса на сельскохозяйственную продукцию местного производства, оказывающее стимулирующее влияние на развитие малых форм предпринимательства в аграрном секторе, а также на повышение товарности личных подсобных хозяйств, развитие которых способствует удовлетворению спроса на продукты питания [8].

Следует учитывать, что в депрессивных селах человеческий капитал хотя и сокращается, но не исчерпывается. Сельское население является естественным носителем навыков, необходимых для производства сельскохозяйственной продукции. Его отток сдерживается как возможностями ведения личного подсобного хозяйства, так и расширением занятости за пределами мест проживания. Использование вахтового метода осуществления работ создает достаточно широкие возможности для сельских жителей, позволяя сочетать занятость за пределами мест проживания с ведением личного подсобного хозяйства. Потеря возможностей, связанных с занятостью по найму, стала важным фактором, вынуждающим к предпринимательской активности [9].

Кроме этого, значительное влияние на развитие предпринимательской активности оказывает реализация мер государственной поддержки развития села и сельского хозяйства. Как отмечают исследователи М.Б. Ксанаева и М.В. Аликаева, ликвидация и сокращение объемов производства сельскохозяйственных предприятий даже в условиях кризиса способствовали созданию малых предприятий на их материально-технической базе и кадровом потенциале [10].

Вместе с тем остается недостаточно изученным вопрос о распространении указанных позитивных процессов на депрессивные сельские районы, что не позволяет сделать выводы о достаточности и своевременности мер государственной политики по отношению к районам, в которых продолжают

¹ Economic Diversification of the Rural Economy. URL: https://www.ilo.org/global/topics/economic-and-social-development/rural-development/WCMS_437176/lang--en/index.htm

сохраняться негативные тенденции. Значительный интерес представляет оценка способности адаптироваться к происходящим изменениям, воспользоваться ими, причем эта оценка распространяется как на сельские муниципальные районы, которые занимают лидирующие позиции, так и на сельские районы-аутсайдеры.

Цель данного исследования – оценка развития предпринимательской и хозяйственной активности в аграрном секторе региона в современных экономических условиях и определение возможных мер, направленных на решение важных проблем.

Теория и методология исследования

В научных исследованиях понятие «предпринимательство» не имело однозначного определения. Так, Р. Кантильон в книге «Эссе о природе торговли вообще» использует термин «предприниматель» для характеристики человека с неопределенными, нефиксированными доходами, который покупает чужие товары по известной цене, а продавать будет по цене, ему пока неизвестной². По определению А. Смита, понятие «предприниматель» используется для характеристики собственника и организатора предпринимательской деятельности, который получает от нее доход³.

Широкое распространение получило определение, которое предложил Й. Шумпетер в работе «Теория экономического развития»: предприниматель рассматривался как новатор, обеспечивающий рост капиталистической экономики [11]. По мнению У. Баумоля, предпринимательская активность является понятием многогранным и может иметь различные виды и формы проявления [12].

Анализ научных публикаций показал, что ряд исследователей рассматривают предпринимательскую активность исключительно с точки зрения развития малого и среднего предпринимательства. Однако в мировой и российской практике утвердилось представление о предпринимательской активности как свойстве, присущем всем субъектам хозяйствования. Активность может проявлять каждый субъект рынка – домашние хозяйства (население), бизнес (действующие предприятия), государство, на что указывают Е.А. Бажутова [13], E. Autio, M. Kenney [14], L. Suorajarvi и соавторы [15].

² Cantillon R. *Essai sur la Nature du Commerce en General*. Paris, Institut Coppet, 2011, 94 p.

³ Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо, 2007. 1056 с.

В рамках данного исследования предпринимательская активность рассматривается именно в таком контексте. Для учета деятельности населения по развитию личных подсобных хозяйств, являющейся важным источником доходов сельского населения, мы используем понятие «хозяйственная активность». Понятие «экономическая активность» используется в официальной статистике по проблемам занятости населения, когда опрашиваемые в ходе обследований классифицируются следующим образом:

- как занятые (выполнявшие работу по найму за вознаграждение);
- как безработные (не имеющие работы (доходного занятия), занимающиеся поиском работы и готовые приступить к работе);
- как экономически неактивные – лица, способные к труду, но которые по различным причинам не могут быть отнесены ни к занятым, ни к безработным (не выражающие желания работать, желающие работать, но по различным причинам не имеющие возможности приступить к трудовой деятельности и отчаявшиеся найти работу).

Для оценки развития предпринимательства широко используется его дифференциация с учетом видов экономической деятельности, включая занятость, связанную с оказанием услуг потребителям (здравоохранение, образование, торговля) или компаниям (информационным, логистическим), работу в производственном или добывающем секторе (сельское и лесное хозяйство, рыболовство, добыча полезных ископаемых, строительство). Наиболее интенсивно в России происходило развитие предпринимательства, связанное с оказанием услуг потребителям. Что касается развития предпринимательства в аграрном секторе экономики, то подавляющее большинство исследований, в том числе работы И.Б. Тюмеровой⁴, В.А. Бариновой⁵, посвящено тенденциям развития малого бизнеса, представленного крестьянскими (фермерскими) хозяйствами).

Настоящее исследование основано на данных официальной статистической отчетности по Амурской области. Использована база данных муниципальной информационно-статистической системы (БД «МИСС»),

⁴ Тюмерова И.Б. Не забывая о главном. Развитие предпринимательства в сельском хозяйстве Чувашской Республики с учетом объективных экономических законов // Российское предпринимательство. 2008. № 9-1. С. 19–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-predprinimatelstva-v-selskom-hozyaystve-chuvashskoy-respubliki-s-uchetom-obektivnyh-ekonomicheskikh-zakonov/viewer>

⁵ Баринова В.А., Громов В.В., Земцов С.П. и др. Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта. М.: Дело, 2020. 88 с.

основу которой составили динамические ряды статистических показателей в разрезе муниципальных образований. Для оценки экономических и социальных процессов по населенным пунктам области проведена их паспортизация, содержащая данные переписей населения 1970, 1989, 2002 и 2010 гг., сельскохозяйственной переписи 2016 гг. и текущего статистического учета последующих лет. В число показателей, позволяющих осуществлять типологизацию поселений, входят административный и производственный статус населенных пунктов, хозяйственная специализация размещаемых предприятий, удаленность от центра сельского совета, районного и областного центров.

При формировании типологий учитывались особенности природно-климатических условий, удаленность от развитых поселенческих центров, данные текущей статистической отчетности о состоянии экономики, численности населения, естественном и механическом движении, данные о поселкообразующих хозяйствующих субъектах. При этом использованы базы данных юридических лиц и индивидуальных частных предпринимателей. Для оценки уровня хозяйственной активности на территории района и населенного пункта используются реестры сельскохозяйственных товаропроизводителей, ведущиеся органами статистики и Министерства сельского хозяйства Российской Федерации.

Для достижения поставленной в работе цели осуществлен отбор муниципальных образований. На первом этапе были отобраны сельские муниципальные образования, где сельское хозяйство является доминирующим видом деятельности. На втором этапе был проведен анализ социально-экономических и демографических трансформаций. Итогом явилось выделение района-лидера и района-аутсайдера, где кризисные процессы были наиболее значительными, позволяющими говорить о депрессивном состоянии.

Современные тенденции в развитии сельского хозяйства

Развитие сельского хозяйства и села в последнее десятилетие осуществлялось в условиях активизации государственной аграрной политики, основы которой были заложены Федеральным законом № 264-ФЗ от 29.12.2006 «О развитии сельского хозяйства»⁶ и Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020

⁶ Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства».
URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24837>

годы, а также федеральными целевыми и ведомственными программами развития АПК⁷.

Реализуемая государственная политика в отношении агропромышленного сектора оказывает эффективное положительное влияние. Как свидетельствуют данные оперативного мониторинга, проведенного Росстатом в ходе прошедшей в 2016 г. сельскохозяйственной переписи, в стране сформировалась новая аграрная структура, в которую вошли такие новые институты, как индивидуальные предприниматели, агрохолдинги, агрофирмы. Во многом благодаря активизации государственной поддержки происходит рост производства на сельскохозяйственных предприятиях, развиваются малые формы предпринимательства – крестьянские (фермерские) хозяйства (К(Ф)Х), сельскохозяйственные потребительские кооперативы (СПК), личные подсобные хозяйства (ЛПХ).

Начиная с 2016–2017 гг. аграрная отрасль среди других секторов экономики отличается темпами развития. В 2016 г. отрасль показала рост на 4,8% при общем падении ВВП на 0,2%, в 2017 г. – на 2,4% при общем росте ВВП 1,5%. В 2019 г. аграрная экономика достигла уровня производства предреформенного периода. Индекс производства во всех категориях хозяйств составил за 1990–2019 гг. 101,6%. Успехи в аграрном секторе были достигнуты за счет развития растениеводства (индекс продукции растениеводства во всех категориях хозяйств составил за 1990–2019 гг. 138,9%), однако в животноводстве дореформенный уровень не достигнут (индекс составляет 74,1%)⁸.

Исследования показывают, что достигнутые успехи являются результатом развития только отдельных продуктовых подкомплексов, обеспечивающих повышение продовольственной безопасности страны. Складывающиеся в отдельных секторах сельского хозяйства тенденции позволили дополнить стратегию импортозамещения стратегией, ориентированной на экспорт, на что указывает Н.И. Шагайда [16]. В результате ее реализации увеличиваются объемы экспорта зерновых, масличных, мяса птицы и свиней, ряда других товаров.

Несмотря на позитивные сдвиги, как справедливо отмечает И.Г. Ушачев, развитие сельского хозяйства сопровождается усилением структурных дисбалансов в развитии подотраслей и различных категорий хозяйств [2].

⁷ Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 № 717). URL: <https://docs.cntd.ru/document/902361843>

⁸ Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник 2020. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm

При этом сложившаяся ранее поляризация усиливается за счет формирования ареалов эффективного узкоспециализированного сельского хозяйства в районах с наиболее благоприятными условиями. Из сфер хозяйственной деятельности вытесняются трудоемкие подотрасли овощеводства и животноводства, что приводит к сокращению занятости сельского населения, провоцируя рост социальной напряженности в сельской местности. Однако, как отмечает В.Я. Узун, развитие малых форм хозяйствования, самозанятость сельского населения способствуют росту реальных денежных доходов населения [17].

Возможности подъема экономики в депрессивных районах остаются существенно более ограниченными, что обусловлено более слабой материально-технической базой сельскохозяйственного производства, худшими условиями и, прежде всего, деградацией человеческого капитала, являющейся результатом оттока активной трудоспособной части населения.

Дальний Восток, в значительной своей части, имеет существенные ограничения для развития сельского хозяйства. Однако по основным видам сельскохозяйственной продукции (кроме зерна) регион обладает значительным потенциалом импортозамещения. Кризисные процессы начального периода реформ негативно отразились на сельскохозяйственном производстве. При неустойчивом росте производства продукции растениеводства продолжается снижение производства животноводческой продукции. Возможность преодоления негативных тенденций, как считает Г.И. Сухомиров, связана с необходимостью кардинального совершенствования проводимой в регионе аграрной политики [18].

В Амурской области сокращение производства в сельскохозяйственных организациях в 1991–2000 гг. во многом благодаря изменениям в аграрной политике сменилось с 2004 г. устойчивым ростом⁹. Поскольку Амурская область находится в зоне рискованного земледелия, позитивная динамика, в силу влияния природно-климатических условий, в течение ряда лет сопровождалась спадами производства, не меняющими общей картины.

Наиболее значительные результаты были достигнуты в растениеводстве вследствие роста посевных площадей и увеличения урожайности. Посевные площади, составлявшие в 2010 г. 790,3 тыс. га, увеличились в 2017 г. до 1 260,8 тыс. га. При этом урожайность зерновых культур (в весе после доработки) выросла с 9 ц/га убранной площади до 20 ц/га. Подъем сельскохозяйственного производства связан с ростом активности

⁹ Амурский статистический ежегодник 2019: статистический сборник. Благовещенск: Амурстат, 2019. 375 с.

сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей.

Доля сельскохозяйственных организаций в объеме производства продукции сельского хозяйства возросла с 40,8% в 2010 г. до 47,6% в 2017 г., крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей – на 14 п.п. Хозяйства населения производят 28,3% продукции сельского хозяйства области.

Достижение позитивных результатов сельскохозяйственными организациями и крестьянско-фермерскими хозяйствами обеспечивалось за счет кардинальных изменений в структуре производства, его узкой специализации на производстве сои и зерновых культур при практически полном отказе от трудоемкого производства плодовоовощной и животноводческой продукции, составлявшей основу занятости сельского населения в аграрном секторе экономики региона.

В ходе происходящих трансформаций наметилась тенденция формирования отдельных эффективных крупных аграрных предприятий. Сельскохозяйственные организации остаются основными производителями зерновых культур, сои, мяса птицы и яиц; хозяйства населения – основных видов скота на убой, молока, меда, картофеля и овощей. Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели по-прежнему специализируются на производстве зерновых культур и сои. Основное внимание сельскохозяйственных товаропроизводителей региона сосредоточено на производстве сои. Посевные площади под эту культуру возросли с 484,1 тыс. га в 2010 г. до 964,4 тыс. га в 2017 г.

С точки зрения развития сельских поселений большое значение имеют тенденции в развитии животноводства как отрасли внесезонной занятости трудоспособного населения. Судя по складывающейся ситуации, животноводство продолжает оставаться для сельскохозяйственных организаций малопривлекательным. В 2016 г. из 190 сельскохозяйственных организаций Амурской области крупный рогатый скот содержали только 42 предприятия. Более 62% поголовья крупного рогатого скота было сосредоточено в 10 сельскохозяйственных организациях.

К 2018 г. объемы производства продукции животноводства по сравнению с 2016 г. сократились еще на 4%, а доля сельскохозяйственных организаций в структуре продукции при этом снизилась с 37% до 30%. По оценке В.В. Реймера, уровень производства молока, мяса крупного рогатого скота и свиней остается в регионе критически низким [19], и значительная часть

трудоспособного сельского населения по-прежнему не имеет регулярных источников доходов.

Предпринимательская и хозяйственная активность населения сельской периферии: новая реальность

Происходящие в регионе кризисные процессы способствовали росту межмуниципальной дифференциации. Наряду с районами, где сохранялся высокий уровень устойчивости к негативным проявлениям, сформировались депрессивные муниципальные образования. В наибольшей мере эти различия находят проявление при анализе ситуации в районах, занимающих лидерские позиции, и в районах-аутсайдерах.

В регионе лидером по уровню благополучия стал Ивановский район, кризисные процессы в наибольшей мере проявились в Ромненском районе. Для сравнения отметим, что если в Ивановском районе в 2000 г. по сравнению с 1990 г. в сельскохозяйственных организациях уменьшение посевных площадей для всех сельскохозяйственных культур составило 25,8%, то в Ромненском районе – 84,8%. Сокращение посевных площадей овощей составило соответственно 43,7% и 92%, потери поголовья крупного рогатого скота – соответственно 65,6% и 94,3%. Сокращение производства привело к тому, что в Ивановском районе численность занятого населения уменьшилась на 7%, а в Ромненском районе – на 46,2%. В итоге численность населения в Ивановском районе сократилась на 2,3%, а в Ромненском – на 15,7%.

Как отмечено ранее, позитивные тенденции в развитии сельского хозяйства, определяемые активизацией аграрной политики, ростом поддержки наиболее успешных сельскохозяйственных организаций, малого предпринимательства, не обеспечили снижения неравномерности в развитии сельских муниципальных образований. Позитивные тенденции в развитии районов, оказавшихся в депрессивном состоянии, определяются, прежде всего, предпринимательской и хозяйственной активностью населения, что, однако, не отрицает сохранения острых проблем.

Рассмотрим проявление этих процессов на примере Ромненского района. В их числе – сохранение негативных демографических тенденций. Сокращение численности населения в Ромненском районе в период 2010–2019 гг. хотя и существенно замедлилось, но по-прежнему оставалось наиболее значительным среди аграрных районов области. Если в районе, прилегающем к областному центру, за этот период численность населения выросла, а в Тамбовском районе, являющемся лидером по развитию

сельского хозяйства, уменьшилась на 2,4%, то в Ромненском районе потери численности населения составили 16,2%.

Сохранилась и тенденция ухудшения структуры населения. Удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения Ромненского района, как свидетельствуют данные паспортизации, вырос с 11,9% в 2010 г. до 16,7% на начало 2019 г.

Во многом негативные демографические тенденции в районе определяются наличием значительного числа мелких и мельчайших населенных пунктов. В 2010 г. 12 населенных пунктов района имели численность менее 100 чел., а восемь из них – менее 50 чел. Убыль населения в них была наиболее значительной. За период 2010–2019 гг. в населенных пунктах с численностью населения до 100 чел. численность населения сократилась на 21,4%. Средняя численность населения по населенным пунктам Ромненского района, составлявшая в 1989 г. 287,1 чел., в 2010 г. уменьшилась до 157,7 чел., а в 2019 г. составила 124,6 чел.

На демографической ситуации в населенных пунктах района в последние годы, как и прежде, продолжала сказываться ликвидация сельскохозяйственных предприятий. Даже в селах, бывших ранее центральными усадьбами, численность населения за период 2010–2019 гг. сократилась более чем на 10%, при этом в четырех населенных пунктах – более чем на 20%¹⁰.

В условиях, когда значительная часть посевных площадей в Ромненском районе была выведена из оборота, активизация их использования обеспечила рост производства растениеводческой продукции. За период 2020–2019 гг. посевные площади в районе выросли в 2,5 раза¹¹. Эти результаты являются прямым следствием развития предпринимательской и хозяйственной активности населения района. Так, на 31.12.2019 по виду экономической деятельности «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» в сфере растениеводства было зарегистрировано 57 индивидуальных предпринимателей. Свою позитивную роль в развитии предпринимательских инициатив в сельском хозяйстве сыграла и реализация муниципальной программы «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Ромненском районе», в ходе которой только

¹⁰ Демографический ежегодник Амурской области: статистический сборник. Благовещенск: Амурстат, 2019. 177 с.

¹¹ Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Амурской области: сборник. Благовещенск: Амурстат, 2020. 163 с.

за 2020 г. субъектам малого и среднего предпринимательства было выделено 1 030,4 тыс. руб.

Возможности использования свободных пахотных земель стимулировали также интерес к Ромненскому району со стороны сельскохозяйственных организаций из других районов. Так, в реестре сельскохозяйственных товаропроизводителей, организаций и индивидуальных предпринимателей агропромышленного комплекса Амурской области по Ромненскому району три субъекта имеют юридический и почтовый адреса за пределами района¹².

В результате в сельскохозяйственных организациях посевные площади зерновых культур выросли за период 2010–2018 гг. более чем в 3 раза, сои – в 5,9 раза. При этом производство зерна выросло с 3 184 ц в 2010 г. до 84 918 ц в 2018 г., а сои – с 60 965 ц до 539 024 ц. В 1,9 раза увеличились площади посевных площадей в К(Ф)Х, причем главным образом для выращивания сои, производство которой увеличилось с 65 122 ц в 2010 г. до 169 638 ц в 2018 г.¹³.

Что касается личных подсобных хозяйств населения, то хозяйственная активность в производстве товарной продукции и растениеводства и животноводства существенно снижалась. В числе причин такой ситуации следует назвать рост индивидуального предпринимательства по другим видам деятельности, главным образом, в торговле. Важную роль в занятости сельского населения стала играть занятость за пределами мест проживания, которая в условиях масштабного роста инвестиционной активности в регионе и создания новых рабочих мест позволяла получать доходы в существенно больших размерах, чем от ведения личного подсобного хозяйства [9].

Заключение

Усиленная государственная поддержка сельскохозяйственных организаций с узкой специализацией на производстве сои и зерновых культур способствовала сосредоточению производства животноводческой и плодоовощной продукции в личных подсобных хозяйствах и садоводческих товариществах, ограничивая возможности по обеспечению

¹² Реестр сельскохозяйственных товаропроизводителей, организаций и индивидуальных предпринимателей агропромышленного комплекса Амурской области на 2021 год. URL: <https://agro.amurobl.ru/pages/reestr-selskokhozyaystvennykh-tovaroprodukteley-organizatsiy-i-individualnykh-predprinimateley-ag/reestr-selskokhozyaystvennykh-tovaroprodukteley-organizatsiy-i-individualnykh-predprinimat-ag/>

¹³ Основные показатели социально-экономического развития муниципального образования. Ромненский муниципальный район: паспорт. Благовещенск: Амурстат, 2019. 86 с.

продовольственной безопасности региона и по исполнению Амурской областью функции снабжения Дальнего Востока продукцией сельского хозяйства, что привело к потере статуса «житницы» региона.

Существенное сокращение численности сельского населения в депрессивных районах не привело к разрушению человеческого потенциала и сохранило возможности для роста предпринимательской и хозяйственной активности в аграрном секторе. Это способствует развитию малого предпринимательства, обеспечивающего включение в хозяйственный оборот земельных ресурсов, росту посевных площадей, увеличению сельскохозяйственного производства.

Потенциал малого предпринимательства в аграрном секторе, однако, крайне слабо используется для удовлетворения потребительского спроса населения региона на продукцию животноводства и плодоовощную продукцию («борщевой набор»)¹⁴, для выращивания которой в регионе имеются широкие возможности. Изменение ситуации обуславливает необходимость перестройки федеральной и региональной программ развития сельского хозяйства по продуктовому принципу.

Наличие пахотных земель в депрессивных районах, освобождающихся в ходе деградации и прекращения деятельности сельскохозяйственных организаций, способствовало развитию экспансии сельскохозяйственных организаций из других районов области, наращивающих узкоспециализированное сельскохозяйственное производство, которое не обеспечивает роста занятости местного сельского населения. Складывающиеся тенденции позволяют сделать вывод о необходимости существенной корректировки мер, направленных на развитие предпринимательства в сельском хозяйстве региона, и на повышение эффективности государственной поддержки малых сел.

Список литературы

1. Минакир П.А. «Восточная государственная социально-экономическая политика»: миссия (не)выполнима? // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 2. С. 7–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnaya-gosudarstvennaya-sotsialno-ekonomicheskaya-politika-missiya-ne-vypolnima/viewer>

¹⁴ Уровень жизни в России теперь определяет «борщевой набор».
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4929509>

2. Ушацев И.Г., Серков А.Ф., Маслова В.Я., Чекалин В.С. Актуальные направления совершенствования аграрной политики России // АПК: экономика, управление. 2019. № 3. С. 4–16.
URL: <https://doi.org/10.33305/193-4>
3. Минакир П.А., Найденов С.Н. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов? // Регион: экономика и социология. 2020. № 3. С. 30–61. URL: <https://doi.org/10.15372/REG20200302>
4. Лапин А.В. Депрессивные территории Пермского края: идентификация и совершенствование управления // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 150–163.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/depressivnye-territorii-permskogo-kрая-identifikatsiya-i-sovershenstvovanie-upravleniya/viewer>
5. Фокин В.Я. Влияние ликвидации селообразующих предприятий на депопуляцию населения сельского района // Дискуссия. 2017. № 1. С. 75–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-likvidatsii-seloobrazuyuschih-predpriyatij-na-depopulyatsiyu-naseleniya-selskogo-rayona/viewer>
6. Brouder P. Tourism Development Against the Odds: The Tenacity of Tourism in Rural Areas. *Tourism Planning & Development*, 2012, vol. 9, iss. 4, pp. 333–337. URL: <https://doi.org/10.1080/21568316.2012.726259>
7. Шерешева М.Ю., Оборин М.С., Шимук О.В. Разработка направлений диверсификации сельской экономики в регионах России с учетом потенциала малых городов // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2017. Т. 12. № 4. С. 632–648.
URL: <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2017-4-632-648>
8. Дьяченко В.Н., Лазарева В.В. Импортзамещение в сельскохозяйственном производстве региона: демографический аспект (на примере Амурской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17. Вып. 7. С. 1396–1408.
URL: <https://doi.org/10.24891/re.17.7.1396>
9. Дьяченко В.Н., Лазарева В.В., Панова Е.А. Развитие неформальной занятости в регионе: факторы и проблемы (на материалах Амурской области) // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 2. С. 233–248.
URL: <https://doi.org/10.18334/et.8.2.111617>

10. Аликаева М.В., Ксанаева М.Б. Современные тенденции в развитии малого предпринимательства // Российское предпринимательство. 2013. № 4. С. 26–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-razvitii-malogo-predprinimatelstva/viewer>
11. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 401 с.
12. Баумоль У.Дж. Предпринимательство: производственное, непроизводственное и деструктивное // Российский журнал менеджмента. 2013. Т. 11. № 2. С. 61–84.
13. Бажутова Е.А. Теоретические и методологические подходы к исследованию предпринимательской активности // Общество и экономика. 2019. № 6. С. 19–34.
URL: <https://doi.org/10.31857/S020736760005420-1>
14. Autio E., Kenney M., Mustar P. et al. Entrepreneurial Innovation: The Importance of Context. *Research Policy*, 2014, vol. 43, iss. 7, pp. 1097–1108. URL: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2014.01.015>
15. Suopajärvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E. et al. Social Impacts of the “Glocal” Mining Business: Case Studies from Northern Europe. *Mineral Economics*, 2017, vol. 30, iss. 1, pp. 31–39.
URL: <https://doi.org/10.1007/s13563-016-0092-5>
16. Шагайда Н.И., Узун В.Я. Драйверы роста и структурных сдвигов в сельском хозяйстве России: монография. М.: Дело, 2019. 98 с.
17. Узун В.Я. Продовольственная безопасность в условиях пандемии: риски и меры по их снижению // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 233. № 3. С. 502–514.
URL: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-223-3-502-514>
18. Сухомиров Г.И. К проблеме импортозамещения продукции сельского хозяйства в ДФО // Проблемы развития территории. 2018. № 5. С. 110–123. URL: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.8>
19. Реймер В.В., Улезько А.В. Концептуальный подход к разработке стратегии инновационного развития АПК Дальнего Востока // Экономика сельского хозяйства России. 2016. № 1. С. 20–26.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Socioeconomic Policy

BUSINESS ACTIVITY OF THE POPULATION IN THE AGRARIAN SECTOR OF THE DEPRESSED AREA'S ECONOMY

Vladimir N. D'YACHENKO ^{a,*},
Viktoriya V. LAZAREVA ^b

^a Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
Khabarovsk, Khabarovsk Krai, Russian Federation
dvn48@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4661-0328>

^b Amur State University (AmSU),
Blagoveshchensk, Amur Oblast, Russian Federation
v_lazareva12@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9181-9393>

* Corresponding author

Article history:

Article No. 526/2021
Received 23 Sept 2021
Received in revised
form 27 Nov 2021
Accepted 20 Feb 2022
Available online
14 April 2022

JEL classification:
R23, R58

Keywords:

entrepreneurial activity,
agricultural sector,
depressed region,
government support,
employment,
agriculture

Abstract

Subject. This article discusses the prospects of agricultural production in Russia.

Objectives. The article aims to assess the development of entrepreneurial and economic activity in the agricultural sector of the depressed areas of the Far East of Russia, as well as identify possible measures to solve urgent economic problems.

Methods. For the study, we used the methods of comparative analysis and classification.

Results. The article finds that depressed agrarian areas are gradually adapting to the changed economic conditions through the development of entrepreneurial and economic activities of the rural population and the expansion of agricultural organizations from other areas of the region.

Conclusions. It is necessary to intensify government incentives for small business in the agro-industrial complex in order to increase agricultural production. This will help meet the consumer demand of the population of the Far East of Russia.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2021

Please cite this article as: D'yachenko V.N., Lazareva V.V. Business Activity of the Population in the Agrarian Sector of the Depressed Area's Economy. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2022, vol. 20, iss. 4, pp. 639–658.
<https://doi.org/10.24891/re.20.4.639>

References

1. Minakir P.A. [“Eastern State socio-economic policy”: Mission (not) possible?]. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*, 2021, vol. 17,

- iss. 2, pp. 7–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnaya-gosudarstvennaya-sotsialno-ekonomicheskaya-politika-missiya-ne-vypolnima/viewer> (In Russ.)
2. Ushachev I.G., Serkov A.F., Maslova V.V., Chekalin V.S. [Relevant directions of improvement of agrarian policy of Russia]. *APK: ekonomika, upravlenie = AIC: Economics, Management*, 2019, no. 3, pp. 4–16. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.33305/193-4>
 3. Minakir P.A., Naiden S.N. [Social dynamics in the Far East: The defect of ideas or the failure of institutions?]. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*, 2020, no. 3, pp. 30–61. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.15372/REG20200302>
 4. Lapin A.V. [Depressed territories of the Perm region: Identification and management improvement]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Perm University Herald. Economy*, 2016, no. 4, pp. 150–163.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/depressivnye-territorii-permskogo-kрая-identifikatsiya-i-sovershenstvovanie-upravleniya/viewer> (In Russ.)
 5. Fokin V.Ya. [Village-forming enterprises' liquidation's influence on depopulation of rural districts]. *Diskussiya = Discussion*, 2017, no. 1, pp. 75–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-likvidatsii-seloobrazuyuschih-predpriyatiy-na-depopulyatsiyu-naseleniya-selskogo-rayona/viewer> (In Russ.)
 6. Brouder P. Tourism Development Against the Odds: The Tenacity of Tourism in Rural Areas. *Tourism Planning & Development*, 2012, vol. 9, iss. 4, pp. 333–337. URL: <https://doi.org/10.1080/21568316.2012.726259>
 7. Sheresheva M.Yu., Oborin M.S., Shimuk O.V. [Development of rural economy diversification trends in Russian regions considering small town potential]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Perm University Herald. Economy*, 2017, vol. 12, no. 4, pp. 632–648. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2017-4-632-648>
 8. D'yachenko V.N., Lazareva V.V. [Import substitution in agricultural production of the region: A demographic dimension: The Amur Oblast case study]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, 2019, vol. 17, iss. 7, pp. 1396–1408. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/re.17.7.1396>

9. D'yachenko V.N., Lazareva V.V., Panova E.A. [Development of informal employment in the region: Factors and problems (based on the materials of the Amur region)]. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labor Economics*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 233–248. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.18334/et.8.2.111617>
10. Alikaeva M.V., Ksanaeva M.B. [Current trends in development of small enterprise]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*, 2013, no. 4, pp. 26–32.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-razvitiimalogo-predprinimatelstva/viewer> (In Russ.)
11. Schumpeter J.A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung]. Moscow, Progress Publ., 1982, 401 p.
12. Baumol W.J. [Entrepreneurship: productive, unproductive, and destructive]. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta = Russian Management Journal*, 2013, vol. 11, no. 2, pp. 61–84. (In Russ.)
13. Bazhutova E.A. [Theoretical and methodological approaches to the study of entrepreneurial activity]. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economy*, 2019, no. 6, pp. 19–34. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.31857/S020736760005420-1>
14. Autio E., Kenney M., Mustar P. et al. Entrepreneurial Innovation: The Importance of Context. *Research Policy*, 2014, vol. 43, iss. 7, pp. 1097–1108.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2014.01.015>
15. Suopajarvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E. et al. Social Impacts of the “Glocal” Mining Business: Case Studies from Northern Europe. *Mineral Economics*, 2017, vol. 30, iss. 1, pp. 31–39.
URL: <https://doi.org/10.1007/s13563-016-0092-5>
16. Shagaida N.I., Uzun V.Ya. *Draivery rosta i strukturnykh sdvigov v sel'skom khozyaistve Rossii: monografiya* [Drivers of growth and structural shifts in Russian agriculture: a monograph]. Moscow, Delo Publ., 2019, 98 p.
17. Uzun V.Ya. [Food security in a pandemic: Risks and mitigation measures]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 2020, vol. 233, iss. 3, pp. 502–514. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-223-3-502-514>

18. Sukhomirov G.I. [Revisiting the issue of import substitution of agricultural products in the Far Eastern Federal District]. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*, 2018, no. 5, pp. 110–123. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.8>
19. Reimer V.V., Ulez'ko A.V. [A conceptual approach to development of strategy of innovative development of the Far East agro-industrial complex]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii = Economics of Agriculture of Russia*, 2016, no. 1, pp. 20–26. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.